

«ЖЕЛЕЗНАЯ ГВАРДИЯ», КАРОЛЬ II И ГИТЛЕР *

(из ИСТОРИИ РУМЫНСКОГО ФАШИЗМА, МОНАРХИИ И ЕЕ «ИГРЫ НА ДВУХ СТОЛАХ»)

Н. И. Лебедев

На внешнеполитическом перепутье

Вступление Кароля II на престол ознаменовалось усилением антисоветской кампании в Румынии. Уже во время коронации летом 1930 г. король заявил о необходимости готовиться к вооруженному конфликту с Советским Союзом. Антисоветская истерия доходила порой до анекдотичности. Призванное Каролем к власти правительство «твердой руки» во главе с Н. Йоргой приняло решение конфисковать закупленную в СССР партию галош лишь потому, что марка «Серп и молот» на их подошвах «явится средством ведения советской пропаганды» в Румынии, особенно на оккупированной части Советской Молдавии. Следуя антисоветскому курсу, румынские правящие круги в 1931 г. подтвердили союз с Польшей, подписав секретное военное соглашение на случай войны с «восточным соседом».

В начале 30-х годов, когда велись переговоры относительно заключения пактов о ненападении между Советским Союзом и соответственно Францией и Польшей, румынское правительство выразило пожелание подписать такой же пакт с СССР. В ходе переговоров обнаружилось, что румынские правящие круги меньше всего интересовались самим пактом о ненападении, а были озабочены тем, как бы под предлогом этого пакта получить от Советского правительства, хотя бы в косвенной форме, признание «законности» аннексии Румынией части советской территории.

Н. Титулеску, являвшийся в то время посланником в Лондоне и постоянным представителем Румынии в Лиге наций, выступил против подписания уже согласованного между сторонами текста пакта о ненападении, поскольку в нем ничего не говорилось о том, что СССР отказывается от возврата захваченных румынскими правителями советских земель. Точка зрения Н. Титулеску была поддержана Каролем II, который решил тогда же поставить его во главе министерства иностранных дел. Принимая это предложение, отвечавшее честолюбивым замыслам Н. Титулеску, он поставил условие: «Я хотел бы быть министром иностранных дел Вашего Величества, то есть постоянно во всех кабинетах»¹, иными словами, быть независимым от правительства. Заявление, что внешняя политика является прерогативой исключительно короля, а не правительства, по мнению национал-царанистов, «завершило разращение Кароля II, начатое Татареску», укрепив румынского монарха в намерении управлять страной, не считаясь с институтами буржуазного парламентаризма. Н. Титулеску стал министром иностранных дел в сформированном 19 октября 1932 г. правительстве во главе с Ю. Маниу. Вскоре после этого румынский парламент принял решение прекратить переговоры с СССР, найдя проект пакта о ненападении «неприемлемым». Однако этим дело не ограничилось. Титулеску предпринял новые шаги к тому, чтобы оказать давление на Советский Союз через другие страны Малой Антанты (Чехословакия, Югославия). Вспоминая позднее об этом в интервью с корреспондентом французской газеты «L'Ерооие», Н. Титулеску сделал такое признание: «Посмотрев на карту Европы, я увидел, что все страны установили или предполагали в ближайшее время установить отношения с СССР. Только на две я имел возможность оказать влияние — на Чехословакию и Югославию. Нужно было любой ценой достигнуть того, чтобы эти страны не признали СССР до тех пор, пока условия, удовлетворяющие интересы Румынии, не будут обеспечены»².

Однако сама жизнь заставила румынские правящие круги изменить отношение к Советскому Союзу. С приходом гитлеровцев к власти в Германии и усилением реваншистской пропаганды румынское правительство оказалось вынужденным встать на путь сближения с СССР, который развернул борьбу за коллективную безопасность, чтобы предотвратить фашистскую агрессию. И при участии Н. Титулеску были восстановлены в 1934 г. дипломатические отношения Румынии с Советским Союзом. В связи с тем, что при этом не удалось склонить СССР к признанию аннексии Румынией советских земель, А. Куза заявил в парламенте, что Н. Титулеску «совершил ошибку, которую сам осуждал два года тому назад». Понимая опасность усиления агрессии со стороны фашистских государств, Н. Титулеску выступал тогда против нее. Под его председа-

* Продолжение. Начало см. «Вопросы истории», 1968, № 6.

¹ I. Orgea. Nicolae Titulescu. București, 1966, p. 191.

² «L'Ерооие», 6.VI.1939.

тельством Лига наций приняла решение об экономических санкциях в отношении фашистской Италии, напавшей на Эфиопию. В то время как СССР заявил решительный протест против захватнических действий Италии, Англия и Франция, как известно, пошли на сделку с Муссолини³. Да и румынское правительство не разделяло позиции своего министра иностранных дел. Как свидетельствует вице-председатель франко-румынского нефтяного треста «Колумбия» А. Прост, в Бухаресте не захотели пожертвовать даже частично торговыми выгодами ради того, чтобы помешать итальянским фашистам захватывать Эфиопию. Король II считал, что Румыния не должна была находиться в числе стран, высказавшихся за применение санкций: «Если же мы оказались в группе таких стран, то было бы лучше занять место где-нибудь в середине или в конце, а отнюдь не впереди, куда нас поставил г-н Титулеску вопреки воле моей и членов правительства». Н. Титулеску, ориентировавшегося на Англию и Францию, крайне обеспокоила позиция этих держав в отношении агрессивного акта гитлеровской Германии, введшей в марте 1936 г. свои войска в демилитаризованную Рейнскую область. «Успокойте нас, господин председатель совета министров Франции,— закричал он Леона Блюма,— или по крайней мере скажите нам правду! Ибо мы не можем забыть, что 7 марта (дата вступления войск вермахта в Рейнскую область. — Н. Л.) вы не защищали себя. Так каким же образом вы будете защищать от агрессора нас?» Ответа на этот вопрос не последовало.

В условиях, когда фашистские державы перешли к открытым захватническим действиям, а в определенных кругах западных стран наметилась тенденция к сговору с ними, исключительно важное значение для Румынии приобретала позиция Советского Союза. Чтобы противостоять агрессии реваншистских государств, Н. Титулеску считал необходимым заключение договора о взаимной помощи с СССР по образцу чехословакско-советского договора. «Министр Титулеску,— писал чехословацкий посланник в Бухаресте Ян Шеба в книге «Россия и Малая Антанта в мировой политике»,— стремился к тому, чтобы сближение Румынии с Советским Союзом шло в ногу со сближением Праги с Москвой. Его положение в этом отношении было тяжелее, чем Бенеша. Румынская общественность, а именно ее решающая часть—привилегированная буржуазия, с трудом приспособилась к новой ориентации, страхась перспектив отношений с соседом, который устранил старые привилегии»⁴. Но в конце концов Кароль II и правительство Татареску были вынуждены согласиться с точкой зрения министра иностранных дел, приведшего такой аргумент в пользу заключения договора о взаимной помощи с СССР: «В случае каких-либо осложнений единственно реальная помощь, на которую мы можем рассчитывать, придет к нам не из Франции и не из Англии, а только из СССР». Договор о взаимной помощи с СССР, подчеркивал он, необходим Румынии при любом развитии событий в Европе. В случае войны с Германией этот договор даст Румынии могучего союзника, способного оказать эффективную поддержку против фашистской агрессии.

Летом 1936 г. в Монтре (Швейцария) состоялись беседы советского народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова и Н. Титулеску, во время которых обсуждались вопросы, связанные с румыно-советским договором о взаимной помощи. Однако и на сей раз проявилось стремление правящих кругов Румынии добиться юридического закрепления аннексии советских земель. Этот вопрос интересовал их больше, нежели самый пакт о взаимной помощи. Советский Союз, не отказываясь от своих законных прав на захваченную у него Румынией территорию, не требовал в то время немедленного разрешения затянувшегося конфликта. Советское правительство считало первоочередным делом организацию отпора гитлеровской агрессии, подчинив этой задаче свою внешнеполитическую деятельность. Однако румынское правительство сочло дальнейшее ведение переговоров относительно заключения пакта о взаимной помощи с СССР нежелательным и приняло решение об удалении Титулеску из своего состава. Это явилось логическим результатом внешней политики румынских правящих кругов, которые лишь на словах, да и то с оглядкой, высказывались за коллективную безопасность, а на деле искали сближения с гитлеровской Германией, выступавшей в роли застрельщика фашистской агрессии.

Как видно из опубликованных после второй мировой войны германских архивных документов, премьер Татареску еще в августе 1933 г. направил в Берлин своего эмиссара Р. Брандша, представителя немецкого национального меньшинства в румынском парламенте, с тем, чтобы выяснить возможность «восстановления прежних дружеских отношений между Германией и Румынией в экономической и политической

³ В декабре 1935 г. премьер-министр Франции Лаваль и министр иностранных дел Великобритании Хор подписали секретное соглашение, означавшее ликвидацию политической независимости Эфиопии. Любопытный факт приводит английский журналист Дж. Прайс: перед вторжением в Эфиопию Муссолини спросил английского премьер-министра Макдональда, какова будет реакция Англии на этот шаг, и получил такой ответ: «Англия — леди. Женщинам нравятся активно-наступательные действия мужчин, но при условии соблюдения секретности. Поэтому действуйте тактично, и мы не будем вмешиваться» (G. Price. Extra-Special Correspondent. L. 1957, p. 242).

⁴ Архив внешней политики СССР (далее — АВП СССР), ф. 125, оп. 9, д. 9, п. 15, лл. 12—13.

областях». Брандш заявил, что румынский король недоволен внешнеполитической ориентацией только на Францию. Эта ориентация, по его словам, определяется тремя факторами: личностью Титулеску, финансовой зависимостью от Франции и боязнью, что Германия поддержит венгерские территориальные требования. Директор экономического департамента германского министерства иностранных дел Риттер высказал Брандшу мнение, о котором тот должен был поставить в известность Бухарест: германский рейх «не может верить» многочисленным дружественным заявлениям Румынии; германо-румынское сближение невозможно до тех пор, пока румынская сторона не предпримет шагов, явно свидетельствующих об изменении ее политической позиции в пользу «третьего рейха». Упрекая румынское правительство в недружественном отношении к Германии, гитлеровское правительство, однако, считало, что Румыния тяготеет к исключительно профранцузской ориентацией. Германская миссия сообщила из Бухареста в июне 1934 г., что Кароль II, организовав с большой помпой прием министра иностранных дел Франции Барту в Румынии, вылившийся в показательную демонстрацию румыно-французского союза, пошел на это ради получения от Франции кредитов на вооружение, чтобы потом развязать себе руки.

Титулеску в беседах с германским посланником в Бухаресте выражал тогда сожаление по поводу того, что его позицию считали в Германии недружественной и даже враждебной. «Как раз наоборот!» — убеждал он гитлеровского дипломата. Любопытно, что после убийства Барту германское министерство иностранных дел сообщило румынскому министру иностранных дел о якобы предотвращенном немецкими органами безопасности покушении на его жизнь. Это сообщение можно было расценить не только как «заботу», но и как недвусмысленное предупреждение в адрес Титулеску, который наряду с Луи Барту выступал за систему коллективной безопасности с участием СССР. Румынский министр выразил благодарность правительству Германии «за активное вмешательство против лиц, которые готовились убить его». Нащупывая почву для улучшения румыно-германских отношений, он обращал внимание гитлеровского посланника на тот факт, что между Германией и Румынией нет территориального спора. Это, по словам Титулеску, «усиливало позицию Румынии по отношению к ее союзникам», давая ей возможность выступать арбитром в определенных вопросах. Весной 1935 г. румынский министр иностранных дел заявил германскому поверенному в делах в Бухаресте, что хотел бы «разрушить легенду о его антигерманской позиции». Он заявлял также, что Румыния никогда не заключит договора о взаимной помощи с СССР, если не будет в состоянии подписать такой же договор с Германией. Оправдываясь перед гитлеровской кликой, Бухарест объяснял свое намерение заключить договор с СССР тем, что этот договор будто бы лишил восточного соседа возможности требовать возврата захваченной у него территории.

Гитлеровская дипломатия считала сдвиги в румынской политике результатом быстрого роста германской мощи и желания правительства Румынии по этой причине укрепить связи с Германией, чтобы играть «на антагонизме между Москвой и Берлином». В политическом отчете германской миссии в Румынии за 1935 г. отмечалась явная непоследовательность внешнеполитической линии румынских правящих кругов: с одной стороны, они выступали за сохранение территориального статус-кво, оказываясь таким образом в лагере противников гитлеровского рейха; с другой стороны, будучи враждебно настроены к СССР, взирали на Германию как на потенциального партнера. Подчеркивалась мысль, что буржуазно-помещичьи правители Румынии не преминут воспользоваться предоставляющейся теперь возможностью вести «политику качелей» — балансировать между двумя группами держав. Они будут следовать курсу на сближение с СССР лишь до тех пор, пока не увидят, что Германия «стала важным политическим фактором в Юго-Восточной Европе». Чтобы не допустить перехода Румынии в «русский лагерь», Германия, указывалось в отчете, должна показать себя политической силой. Тогда румынские правители, если они и не перейдут полностью в германский лагерь, то, во всяком случае, «возобновят политику балансирования, столь соответствующую их характеру и являющуюся методом их самоутверждения». Германия должна показать румынским правящим кругам, что она является «kozyрной картой» в их внешнеполитической игре с друзьями и врагами. «Если мы проявим необходимую осторожность, то сумеем убедить даже Титулеску, что в его же интересах иметь этот сильный козырь. Позиция, которую он занял по отношению к нашему перевооружению, свидетельствует о наличии таких возможностей»⁵. Румынские коммунисты и антифашисты решительно выступали против тех, кто толкал страну на опасный путь сближения с гитлеровской Германией. Компартия подчеркивала, что только благодаря тесному сотрудничеству и союзу с СССР Румыния может обеспечить свои национальные интересы. Резолюция расширенного Пленума ЦК КПР (август 1936 г.) предупреждала антисоветски настроенных румынских правителей: «Кто поднимает руку против Советского Союза, тот роет могилу национальной независимости Румынии и готовит ее раздел империалистами»⁶. Фашистская Германия, указывалось в этой резолюции, собиралась компенсировать своих союзников за счет Румынии. Реакционные правители

⁵ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945» (далее — DGFP). Series C, vol. IV, pp. 943—947.

⁶ «Documente din istoria PCR 1917—1944». București. 1953, p. 283.

страны не вяли этим пророческим словам. Они пошли по пути отказа от сотрудничества с Советским Союзом и какого бы то ни было участия в системе коллективной безопасности. Когда Титулеску перестанет быть министром иностранных дел, с полным основанием говорилось в одном из документов германской миссии в Бухаресте, это будет означать, что в румынской внешней политике «принято решение против СССР».

«29 августа 1936 г. в 5 часов из Бухареста потребовали сообщить мое мнение об интервенции в Испании,—вспоминал об обстоятельствах своей отставки с поста румынского министра иностранных дел Н. Титулеску, находившийся тогда в Кап Мартэн (Лазурный Берег Франции).—Я ответил, что мы должны следовать за Францией и Англией. В 8 часов вечера мне телеграфировали, что я перестал быть министром иностранных дел Румынии». Ухудшение личных отношений Титулеску с Каролом II и членами правительства Татареску, вне всякого сомнения, сыграло свою роль в его устраниении с занимаемого поста. Коллеги по кабинету не могли простить ему той вызывающей независимости, которой он придерживался по отношению к ним, считая себя незаменимой личностью. Румынский король болезненно реагировал на международную известность своего министра иностранных дел: в ряде стран о Румынии и ее монархе знали только как об «атрибутах Титулеску». Кароль II, стремившийся играть главную роль в дипломатической деятельности страны, не мог мириться с поведением Титулеску, который порой ставил его перед свершившимися фактами. Например, без ведома румынского правительства и короля Н. Титулеску дал согласие на передачу республиканской Испании 100 пушек и 15 самолетов, которые были изготовлены во Франции. Французский автор пишет об отношении румынских правящих кругов к Титулеску летом 1936 г.: «В течение ряда месяцев Кароль II и Татареску стремились освободиться от [этого] министра... Его заносчивость, вызывающее поведение по отношению к коллегам и даже монарху, стремление к саморекламе... надели им. Своими июльскими демаршами он положил конец терпению, проявлявшемуся к нему в течение двух лет»⁷. Но главной причиной отставки Титулеску были отнюдь не личные отношения его с королем и членами правительства. Господствующие классы Румынии отказались от услуг Титулеску, считая его «пережитком политики коллективной безопасности», следовать которой не хотели сами западные державы, шедшие по пути «умиротворения» агрессоров. Современник событий писал, что «в Бухаресте меньше всего думают о благах коллективной безопасности; там уверены, что Румыния должна любой ценой избирать занятия определенной позиции...».

Министром иностранных дел Румынии был назначен Виктор Антонеску, довольно бесцветная личность. Именно ему была доверена миссия окончательно увести Румынию с позиций, на которых она находилась при Титулеску, придерживавшемся ориентации на Францию и Англию. Новый министр начал свою деятельность с заявления: «Внешняя политика Румынии будет такой же, что и до настоящего времени»⁸. В дей-

⁷ H. Prost. *Destin de la Roumanie*. P. 1954, pp. 94—95. В июле 1936 г. Титулеску вручил премьеру Татареску письменное заявление о своей отставке, считая, что внутренняя политика правительства способствует фашизации страны и препятствует проведению им внешнеполитического курса. Румыния, указывалось в этом заявлении, теряет доверие союзников из-за очевидной поддержки, которую оказывает правительство крайне правым группировкам, ориентирующимся на Германию. Кароль II не принял тогда его отставки, полагая, что она могла быть расценена в Париже и Лондоне как полный поворот Румынии на внешнеполитической арене. Объясняя своему министру иностранных дел причины покровительства железногвардейцам и другим фашистам, король сказал, что для борьбы против коммунизма в стране необходимо использовать, помимо государственных органов, еще и другие силы: одних легальных средств, находящихся в распоряжении правительства, недостаточно, нужно привлечь, как выразился Кароль II, «общественность», подразумевая под этим фашистские круги, а если таких нет, то их следует создать. Вместе с тем он заверил Титулеску, что покровительство фашистским организациям не изменит внешнеполитической линии страны. Тогда тот потребовал одобрения проводившегося им курса, который в последнее время вызывал споры в правительстве. Это требование было удовлетворено. Но не прошло и месяца, как Титулеску был уволен в отставку («*Apalele*», *București*, 1965, № 5, p. 133). После отставки Титулеску остался за границей. Лишь в ноябре 1937 г. он приехал на несколько дней в Румынию, чтобы принять участие в избирательной кампании на стороне национал-царанистской партии, к сотрудничеству с которой он склонялся, оставаясь вне партий. В это время Ю. Манну уже заключил «пакт о ненападении» с железногвардейцами, и у Н. Титулеску не было оснований опасаться за свою жизнь. Правда, активисты «Железной гвардии» вынудили его сделать некоторые заявления. Так, Титулеску сказал, что в декабре 1933 г. он противился принятию решения о роспуске «Железной гвардии», что прилагал усилия для заключения с Германией и Италией таких договоров, которые сделали бы отношения Румынии с ними равнозначными ее отношениям с Францией и Англией, что никогда не предусматривал возможность прохода советских войск через румынскую территорию. Легионеры с недоверием отнеслись к этим заявлениям. Умер Титулеску в марте 1941 г. на Лазурном Береге во Франции. Его сторонники утверждают, что он был отравлен гитлеровцами.

⁸ «*Dimineața*», 6.IX.1936.

ствительности же румынское правительство стало активно искать сближения с фашистской Германией, чтобы сбалансировать англо-французское влияние в своей внешней политике. Важнейшим элементом нового румынского внешнеполитического курса был отказ от сотрудничества с СССР, боровшегося против гитлеровской агрессии. Румынские фашисты и другие реакционеры приветствовали этот поворот, рассматривая его как этап к установлению румыно-германского союза. «За последние два года наша политика скользила по опасному пути,— заявил бывший премьер А. Вайда.— Мы дошли до того, что Литвинов стал нашим оплотом. Теперь положение вполне определилось. Идет борьба между национализмом и коммунизмом. Поэтому мы должны сделать выбор. Я выбираю Муссолини и Гитлера». С целью дипломатического зондажа в Берлин был направлен в ноябре 1936 г. лидер одной из группировок национал-либеральной партии Г. Братиану, которого К. Арджеояну характеризовал следующим образом: «Хотя Братиану и хороший человек, разговор с ним вести очень трудно. Слушает, как перепуганный заяц, издавая нечленораздельные звуки, и невозможно понять, что он хочет сказать. Он боится своей жены, своей экономки, своего кума Стурдзы, боится собственной тени»⁹. Г. Братиану пользовался доверием в гитлеровских кругах, ценивших его за выступления против румыно-советского сотрудничества. Гитлер сказал румынскому эмиссару: «Я прошу Вас передать королю, что мы не только готовы гарантировать границы современной Румынии, но и поддерживать всеми силами требования, которые она имела бы за пределами границ». После этого были предприняты шаги в направлении развития румыно-германского сближения. Был выработан проект договора «О дружбе с Германией», заключение которого фактически привело бы к тому, что Румыния окончательно отошла бы от Франции и ее системы военно-политических союзов и оказалась бы в полной зависимости от фашистской Германии. Однако правящая румынская верхушка сочла такой шаг преждевременным. В складывавшейся международной обстановке она предпочла вести политику балансирования между двумя империалистическими блоками, пока не станет ясным, кто будет преобладать.

Для маскировки этой политики был взят на вооружение лозунг «восстановления самостоятельности Румынии» в международных отношениях. «До последнего времени внешняя политика Румынии была безвольным придатком чужого организма. Наша внешняя политика должна стать самостоятельной», — заявляли кузисты. Образцом «самостоятельности» служила для румынских реакционеров политика польского правительства. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек во время своего посещения Румынии в апреле 1937 г. предложил проводить «политику неприсоединения» ни к одному из блоков великих держав. О выгодности такой политики, говорил он, знает само румынское правительство, которое в 1914—1916 гг. заняло нейтральную позицию, приведшую к созданию «Великой Румынии». Политика балансирования, или «игра на двух столах», стала Румынией усиленно проводиться в жизнь. Именно она привела в дальнейшем эту страну на грань национальной катастрофы. «Двойная игра погубила нас: мы проиграли и на одном и на другом столе»¹⁰, — признал впоследствии будущий фашистский диктатор генерал Ион Антонеску. Чтобы расположить к себе Германию, королевская камарилья отказалась заключить пакт о взаимной помощи с Францией, Чехословакией и Советским Союзом. Но в то же время румынским правительством расточались заявления о «полнейшей солидарности с Францией» и дружественных отношениях с Чехословакией. Летом 1937 г. Кароль II под предлогом посещения всемирной выставки направился в Париж. Этот визит должен был продемонстрировать неизменность традиционных связей между Румынией и Францией. По случаю национального праздника Франции 14 июля Кароль II вместе с французским президентом и султаном Марокко присутствовал на военном параде на Елисейских Полях. После этого он переправился через Ла-Манш, чтобы встретиться с английскими государственными деятелями.

Это была четвертая поездка Кароля II в Великобританию. Первый раз он посетил Англию в 1925 г., будучи наследным принцем. В 1928 г. имела место скандальная история с Каролем и его любовницей Лупеску, закончившаяся их выдворением с британских островов в сопровождении агентов Скотленд-Ярда. Похороны английского короля Георга V в 1936 г. явились поводом для приезда Кароля II в Великобританию с первым королевским визитом. Английская королевская семья недолюбливала находившегося в родственных связях с ней румынского короля, который стяжал себе славу коронованного донжуана. Поэтому Кароль II был «персона нон грата» в Лондоне, пока на английском троне оставался Георг V, не скрывавший своего презрения к нему. Третье по счету посещение Великобритании Каролем II тоже оставило у него неприятные воспоминания. Как монарх и как родственник английской королевской семьи, он надеялся, что его поселят в Букингемском дворце. Но этого не случилось. Уязвленный Кароль II стал избегать контактов с английской знатью, которая, в свою очередь, возмущалась «невоспитанностью» румынского короля. Кароль II не появлялся на приемах, пошли слухи о его пьяных оргиях. Затем в газетах была опубликована скандальная новость, вкратце сводившаяся к следующему. В ночь перед похоронами Георга V румынский король так упился, что утром не мог держаться на ногах. Массажист делал все, чтобы протрезвить

⁹ Arhiva CC al PCR, fond 104 (C. Argetoianu «Insempnări zilnice»), p. 2935.

¹⁰ Историко-дипломатический архив МИД СССР (далее — ИДА). Микрофильмы румынских документов.

Кароля II, которому предстояло занять свое место в похоронной процессии. Процедура длилась до самого последнего момента, и по этой причине массажист вынужденно оказался среди высокопоставленных гостей, шагая вместе с ними в похоронной процессии. Для убедительности газеты поместили фотоснимок, на котором этот человек выделялся своим «рабочим костюмом». В США это известие стало «новостью века», вызвав всеобщее веселье. В Англии же к ней отнеслись иначе: Кароля II стали осуждать за злоупотребление гостеприимством, за оскорбление, нанесенное английскому двору¹¹. Четвертый визит Кароля II в Великобританию летом 1937 г. приобрел поэтому особое значение: визит должен был реабилитировать румынского короля в глазах английской знати.

Не менее важную роль этот визит призван был сыграть в развитии политических и экономических связей Румынии с Англией. Во избежание скандальной сенсации, неизбежно возникавшей за границей вокруг его имени, румынский король прибыл в Лондон неофициально, под именем графа Вранча. На этот раз он был приглашен на обед в Букингемский дворец. Состоялись его встречи с Чемберленом и Иденом. О содержании их бесед в какой-то мере свидетельствовали те заявления, которые Кароль II сделал английскому внешнеполитическому эксперту В. Стиду. В записи этой беседы читаем: «Кароль II начал с того, что выступил против широко распространенного мнения, будто Румыния является французской колонией, чем и объясняется малый интерес к ней со стороны Англии. Он хотел бы изменить это представление и создать прямую «ось» Лондон — Бухарест. Главная трудность положения Румынии заключается в том, что на нее постоянно давит тяжесть России, являющейся ее наследственным врагом. Что касается Гитлера, то он, Кароль II, испытывает восхищение к нему...». Сид ответил Каролю II, что не верит в агрессию СССР против Румынии. «Более того, — продолжал он, — мне известен доклад, составленный экономическим атташе германского посольства в Москве, в котором говорится, что для будущих операций против России Германия должна установить контроль над румынской нефтью, зерном и хлебом. Я знаю, что этот доклад получил одобрение доктора Шахта и экономического отдела рейхсвера. Поэтому мне кажется сомнительной мудростью стремление Румынии... доверяться нацистской Германии». Кароль II поспешил заверить собеседника, что он не собирается идти на сближение с Германией, как, впрочем, и с Советским Союзом. Единственно, чего он хотел бы, — это установления сердечных отношений с Великобританией. «Важно, — подчеркнул румынский король, — чтобы на англо-румынские дела не смотрели через французские очки». Кароль II неоднократно подчеркивал общность румынской и английской ориентации в германском вопросе, чтобы оправдать свою политику в отношении гитлеровской Германии. В беседе с чехословацким премьером в 1937 г. он сказал: «Если я допускаю некоторую видимость сближения с Германией, то ведь, как теперь оказалось, я веду такую же политику, какую ведут Чемберлен и Иден. Они пошли даже дальше меня, пригласив Нейрата (министр иностранных дел Германии. — Н. Л.) к себе для переговоров, тогда как я неоднократно отклонял домогательства Геринга приехать ко мне для личных переговоров».

По-прежнему румынская королевская камарилья продолжала заверять Францию в «верности существующим союзам». Во время визита в Бухарест начальника французского генерального штаба генерала Гамелена в 1937 г. хозяева заявили, что Франция может всегда положиться на Румынию и ее армию¹². Однако двойственность внешнеполитического курса Румынии была настолько очевидна, что ее нельзя было замаскировать никакими декларациями. Эта двойственность, ведшая к опасной для страны изоляции на международной арене, вызывала озабоченность у румынской общественности. Лидеры буржуазно-помещичьих «исторических партий», находившиеся в оппозиции к Каролю II и его правительству, усиленно спекулировали на этом, преследуя свои цели. «Редко случалось, — говорил на съезде национал-царанистской партии весной 1937 г. И. Михалаке, — чтобы наше государство было в таком положении, как сейчас... Во внешней политике мы не знаем, кто наши союзники и кто уже перестал ими быть... Мы живем на вулкане внутри страны, а во внешней политике царят неопределенность, дезориентация и хаос». Резкий поворот в сторону держав «оси» был совершен с приходом к власти правительства национал-христианской партии в конце 1937 года. «Заявления о верности и сохранении прежних договоров, соглашений и союзов остаются пустыми заявлениями, прикрывающими истинную устремленность нынешнего правительства... — политику немедленного сближения с фашистскими государствами»¹³, — подчеркивалось в сообщении из Бухареста в январе 1938 года. Гитлер выражал свое удовлетворение положением в Румынии, называя приход к власти профашистского правительства Гоги «первым радостным событием этого года». Но курс на немедленное и безоговорочное подчинение страны германскому фашизму оказался неприемлемым для королевского двора, считавшего, что еще не наступило время для отказа от политики балансирования. Это явилось одной из главных причин устранения правительства Гоги и установления затем королевской диктатуры. О. Гога не пережил своей неудачи в политике, он умер через несколько месяцев после отставки.

¹¹ A. Easterman. King Carol, Hitler and Lupescu. L. 1942, pp. 108—109.

¹² Gamelin. Le Prologue du drame. P. 1946, p. 279.

¹³ АВП СССР, ф. 125, оп. 20, д. 14, п. 16, л. 29.

Кароль II обезглавливает «Железную гвардию»

Еще до государственного переворота, совершенного 10 февраля 1938 г. и приведшего к королевской диктатуре, Кароль II пришел к выводу, что следует нанести удар по легионерской верхушке, ставшей опасным конкурентом в борьбе за политическую власть в Румынии. Главарь «Железной гвардии» К. Кодряну, подстрекаемый гитлеровцами, открыто выступил за установление диктатуры фашистской организации. Английский журналист А. Истермэн, посетивший Румынию в начале 1938 г., сумел добиться интервью у «капитана» легионерского движения. Их встреча произошла на окраине Бухареста в «Зеленом доме» (в унисон с цветом формы железногвардейцев), где находилась сильно охраняемая резиденция вожака румынских фашистов. Кодряну, 38-летний мужчина атлетического телосложения, производил с первого взгляда впечатление героя американского кинобоевика. «Это был диктатор из страшного сна — надменный, всесильный деспот с суровым лицом и хмурым взглядом пронизывающих глаз»¹⁴. Кодряну, по свидетельству Истермэна, обладал способностью оказывать магнетическое воздействие на своих сторонников, приводя их в состояние экстаза своей эмоциональной речью. Железногвардейцы слепо поклонялись ему, обожествляли его, а после гибели провозгласили «святым». Как и следовало ожидать, румынские фашисты из «Железной гвардии» потребовали от Кароля II принятия ряда более реакционных мер. Как и прежде, нападкам легионеров подвергалась любовница короля Елена Лупеску. Кстати сказать, о «первой даме» Румынии неслучайно отзывались не только железногвардейцы, но и члены королевской камарильи, в частности К. Арджентоану, заметивший в своих мемуарах: «История учит нас, что вмешательство юбки в политику всегда фатально для политики, особенно когда под юбкой скрывается потаскуха. Даже семь лет непрерывной засухи не могут сравниться по своим последствиям с тем, как отразилось на нашем положении присутствие госпожи Лупеску». Легионеры обвиняли ее в разращении не только короля, но и его юного сына. Они называли Лупеску колдуньей, которая несет несчастье «румынской нации». Любовница Кароля II, как утверждали легионеры, решила устранить Кодряну, поручив это новому министру иностранных дел И. Мическу. Последний перепоручил это дело префекту полиции уезда Нямец. И тут якобы произошло непредвиденное: префект И. Емельян все рассказал прокурору. «10 февраля 1938 г. между 11 час. 30 мин. и 12 час. 30 мин. я был вызван к господину И. Мическу в министерство иностранных дел, который сказал мне: «То, что я Вам сообщу, известно лишь нескольким лицам. Интересы государства требуют, чтобы Кодряну был устранен. Только Вы можете выполнить это». Я переспросил его: «Я лично?» В ответ мне было сказано: «Не Вы лично, но Вы должны заняться этим. Кстати, сколько Вы получаете как префект?.. 32 тысячи лей в месяц? Я устрою так, что Вы будете получать намного больше». Префект полиции Емельян, по его словам, «возмущенный этим чудовищным предложением», поставил в известность министра Г. Кузу, сына главаря национал-христианской партии А. Кузы. От него сообщение о готовившемся покушении дошло до самого Кодряну»¹⁵.

После установления королевской диктатуры были приняты меры к тому, чтобы сделать «Железную гвардию» послушной воле Кароля II. С этой целью был организован процесс над Кодряну, которого обвинили «в оскорблении королевского министра при исполнении тем служебных обязанностей». Поводом послужил конфликт между железногвардейским вожаком и министром Н. Иоргой, возникший в связи с запрещением так называемых «легионерских кооперативов», в рамках которых велась легальная деятельность «Железной гвардии» после неоднократных правительственных декретов о ее роспуске. Кодряну направил на имя Иорги составленное в резких выражениях письмо с протестом против этого запрета. Иорга возвратил письмо Кодряну, заявив, что не может принять его «от человека, который, вспомнил, сколько было пролито крови им и его окружением, должен был бы опуститься на колени в раскаянии». Тогда «капитан» осыпал Иоргу упреками, напоминая ему, что не всегда он был столь враждебен легионерскому движению, как хочет показать это теперь. По настоянию министра внутренних дел Калинеску оскорбленный Иорга подал в суд на Кодряну, который был приговорен к шести месяцам тюремного заключения. Отставка правительства Гоги и репрессивные меры против легионерского движения обеспокоили гитлеровскую верхушку. Однако, будучи занята захватом Австрии, она решила воздержаться от давления на Кароля II, чтобы не толкнуть Румынию в стан противников германского рейха. К тому же первые внешнеполитические акты правительства королевской диктатуры свидетельствовали о его намерении продолжать благоприятный для фашистской Германии курс на международной арене. В циркуляре германского министерства иностранных дел от 9 марта 1938 г. указывалось, что устранение правительства Гоги «не следует рассматривать как поражение, понесенное германской политикой». Хотя против идеологически близкой германскому фашизму «Железной гвардии», говорилось далее в циркуляре, ведется борьба, нет причин беспокоиться за поворот событий; «напротив, надо надеяться, что во внешней политике король Кароль будет упорствовать в своем неоднократно высказывавшемся стремлении вступить в более тесные отношения с Германией». Обращалось внимание и на то, что новый ре-

¹⁴ А. Easterman. Op. cit., p. 220.

¹⁵ С. Codreanu, Die eiserne Garde. В. 1939, S. 201—203.

жим в Румынии вовсе не препятствует осуществлению германских агрессивных планов в отношении Чехословакии. Отмечалось, что в новую румынскую конституцию 1938 г. включена статья 91, фактически запрещающая в любом случае проход иностранных войск через румынскую территорию. «Это особенно важно, принимая во внимание... право прохода через Румынию в Чехословакию. Статья 91, как это представляется, имеет целью блокировать такие попытки». Кароль II заявил германскому посланнику, что приветствует захват Австрии Германией, ибо издавна считал «аншлюс неизбежным».

Спекулируя на заинтересованности гитлеровцев в том, чтобы буржуазно-помещичья Румыния занимала на международной арене выгодную им позицию, король-диктатор стал добиваться от них официального отказа от поддержки легионерского движения. В середине марта 1938 г. он обратился в Берлин с просьбой сделать заявление об отсутствии у Германии какого-либо интереса к «Железной гвардии». Под предлогом, что подобное заявление может быть истолковано как вмешательство Германии во внутренние дела Румынии, гитлеровская клика отказалась удовлетворить просьбу Кароля II. Но в то же время германское министерство иностранных дел дало указание своему посланнику в Румынии Фабрициусу быть предельно осторожным с румынским королем. Главная цель, говорилось в инструкции Фабрициусу, состоит в том, чтобы «Румыния по причине какого-либо охлаждения в наших отношениях не наладила нежелательных связей». Речь шла в первую очередь о предупреждении любой возможности сближения с СССР. Румынская миссия сообщила из Берлина, что «единственной заботой Германии является помешать Румынии связать себя с Советами»¹⁶. Королевская камарилья решила воспользоваться благоприятной обстановкой для нанесения решающего удара по непослушному руководству легионерского движения. В мае 1938 г. железногвардейские вожаки во главе с Кодряну вновь предстали перед военным судом. На этот раз их обвинили в «заговоре против общественного порядка путем установления связей с заграницей и совершения революции». Обнаружилось, что легионеры, готовя путч, создали вооруженные подразделения, террористические группы и составили списки лиц, подлежащих физическому уничтожению после прихода «Железной гвардии» к власти. В качестве обвинительного материала на процессе, проходившем при закрытых дверях, фигурировали два письма Кодряну к Гитлеру. В одном, датированном еще началом 1935 г., сообщалось о намерении легионерского движения произвести переворот по примеру германских фашистов и содержалась просьба оказать помощь в этом. В другом письме Кодряну просил поддержки и инструкции из Берлина, а также предлагал гитлеровской Германии заключить союзный договор с Румынией, как только будет установлена власть «Железной гвардии». Помимо того, легионерские главаря обвинялись в разглашении содержания секретных документов и государственной тайны. Королевский прокурор в речи специально подчеркнул, что Кодряну вообще не румын, что его отец — поляк, а мать — немка. «И этот человек, — патетически воскликнул прокурор, — хотел стать национальным спасителем!.. Он отравил румынскую молодежь террористическими доктринами и заразил страну чувствами и идеями, чуждыми румынскому духу и темпераменту!» В защиту главаря румынских фашистов-террористов выступил на процессе «великий демократ» Ю. Маниу. Лидер национал-царанистов тогда заявил: «Я всегда находил в его действиях искренность побудительных мотивов, честность, последовательность и упорство, то есть качества, которые так редко встречаются в нашей политической жизни. Поэтому я с удовольствием и надеждой протягиваю ему руку». После этого он демонстративно пожал руку Кодряну. Выступление Маниу могло бы сойти и за растянвшийся во времени обмен любезностями, ибо в ноябре 1937 г. Кодряну так отозвался о Маниу: «Он производил на меня впечатление человека с душой, чистой, как у юноши нашего поколения (легионерского движения. — Н. Л.)». Но в действительности это было демонстрацией общности их интересов не только в борьбе против Кароля II, но и против революционных сил. Не случайно в завещании Кодряну, написанном в тюрьме спустя несколько месяцев после этого судебного процесса, Маниу был назван в числе лиц, к которым должны обратиться легионеры в случае гибели своего вожака.

Гитлеровский посланник Фабрициус с беспокойством сообщил из Бухареста, что процесс над Кодряну и другими руководителями «Железной гвардии» ставит германский рейх в затруднительное положение. Он просил, чтобы через Фредерика Гогенцоллерна, дядю румынского короля, было оказано воздействие на Кароля II с целью помешать уничтожению железногвардейской агентуры фашистской Германии в Румынии. Князь Фредерик, проживавший в Германии и являвшийся главой семьи Зигмаринен-Гогенцоллерн, был известен своими симпатиями к Гитлеру. Фабрициус считал, что князь может повлиять на Кароля II и предостеречь его от «большой ошибки» — ликвидации легионерского движения, которое является «противоядием коммунизму» в Румынии. Берлин предлагал Фабрициусу настаивать на том, что Германия якобы не оказывала и не имеет намерения оказывать официальную помощь легионерскому движению. Строго придерживаясь этой директивы, германский посланник в Румынии отклонял попытки железногвардейцев побудить его к выступлению в их защиту. Фабрициус в докладе своему министерству иностранных дел сетовал на обстановку:

¹⁶ Arhiva Ministerului Afacerilor Externe al RPR (далее — Arhiva MAE), fond «Germania», vol. 76, non paginata.

«Трудно германскому посланнику быть спокойным наблюдателем, когда преследуются те самые члены «Железной гвардии», которые идеологически наиболее близки нам. Но это необходимо потому, что вмешательство не только нанесло бы удар по нашим интересам на длительное время, но и не принесло бы пользы сейчас самой «Железной гвардии»¹⁷. 22 мая румынское министерство иностранных дел обратилось с официальным требованием, чтобы германские учреждения и организации не поддерживали никаких контактов с железногвардейцами, иначе Кароль II станет рассматривать эти акты как ведение враждебной деятельности против него. Гитлеровская клика, будучи крайне заинтересована в сохранении хороших отношений с румынским правительством в момент резкого обострения чехословацкого кризиса, поручила германскому посланнику в Бухаресте заявить, что Берлин «не поддерживает никаких связей с Кодряну». Более того, политический отдел министерства иностранных дел в Берлине заготовил 25 мая проект письма во внешнеполитическое бюро гитлеровской партии, министерство пропаганды, гитлерюгенд и другие учреждения и организации, в котором подчеркивалась «абсолютная необходимость немедленно разорвать» любые контакты с румынскими железногвардейцами. Немецкой прессе тогда дано специальное указание «ни в малейшей мере не проявлять симпатий к «Железной гвардии» и Кодряну». В этих условиях процесс над железногвардейскими вожаками, проходивший в военном трибунале II-го армейского корпуса, завершился вынесением приговора о длительном тюремном заключении. Кодряну был осужден на 10 лет. Продолжая заигрывать с Каролем II, гитлеровцы летом 1938 г. убеждали его в своей «незанимательности» в легионерском движении. Вильгельмштрассе предложила Фабрициусу при первом же удобном случае заметить, что Германия «не имеет никаких связей» с Кодряну. «Не делайте, однако, формального демарша», — говорилось в присланной в начале июня инструкции. Но, отмежевываясь на словах от «Железной гвардии», гитлеровцы тайно продолжали оказывать ей финансовую и другую помощь. Осенью 1938 г. румынское министерство иностранных дел обратило внимание Фабрициуса на имевшие место факты провоза в германском дипломатическом багаже автоматического оружия для румынских легионеров. Второе (разведывательное) управление румынского генерального штаба сообщило, что только в течение 1938 г. Германия израсходовала на финансирование деятельности «Железной гвардии», национал-христианской партии и других прогерманских организаций более 800 млн. лей.

Тем временем оправдались надежды гитлеровцев на то, что Кароль II и его правительство не станут, со своей стороны, препятствовать расчленению Чехословакии. Правда, румынская позиция носила отпечаток двойственности. «Никто не может требовать от Румынии, чтобы она заранее согласилась на пропуск советских войск. Румыния сама знает, на чьей стороне она будет в случае войны», — заявил в июле 1938 г. румынский министр иностранных дел Петреску-Комнен. Королевское правительство, не зная, каков будет исход чехословацкого кризиса, стремилось угодить всем заинтересованным сторонам. Но в целом оно шло «по линии оставления на произвол судьбы и предательство своего чехословацкого союзника и противилось проходу советских войск через румынскую территорию на помощь Чехословакии»¹⁸. Смехотворным и лживым предстает сделанное позднее утверждение Петреску-Комнена, будто только буржуазно-помещичья Румыния выступала на стороне чехословацкого народа в те трагические для него дни: «В то время, как Европа, дрожа при звуках голоса Гитлера, склонилась перед его требованиями и расчленила в Мюнхене Чехословакию, Румыния одна, я подчеркиваю, одна осмелилась поднять голос в пользу несчастной союзницы»¹⁹. В действительности правительство королевской диктатуры во многом способствовало мюнхенскому сговору англо-французских империалистов с Гитлером, которому они отдали часть чехословацкой территории как цену за обязательство начать войну против СССР. Румынское правительство, отмечала газета «Universul», заняло тогда ясную позицию, сопротивляясь проходу советских войск через Румынию на помощь Чехословакии. И хотя оно отклонило предложение Ю. Бека принять участие в расчленении Чехословакии в период так называемого первого Венского арбитража (ноябрь 1938 г.), это было сделано отнюдь не из чувства солидарности с жертвой фашистской агрессии. Кароль II так объяснил свой отказ предъявить территориальные претензии к Чехословакии: «Мы не хотим удлинять еще на 100 миль нашу границу с Венгрией». Поведение румынских правящих кругов было по достоинству оценено мировой реакцией. Правительства Англии и Франции в октябре 1938 г. направили румынскому правительству телеграмму с благодарностью за его позицию в период Мюнхена. По-своему выразил признательность Каролю и Гитлер. 14 октября 1938 г. он впервые прислал поздравления румынскому королю по случаю дня его рождения. А 4 ноября с «дружеским визитом» прибыл в Констанцу германский крейсер «Эмден».

Мюнхенский сговор империалистических держав вызвал усиление позиций прогерманских элементов в Румынии. Требования полной внешнеполитической переориентации все настойчивее раздавались со страниц реакционных буржуазных газет. «У Германии есть планы. Имеют ли их другие страны? Если другие страны не имеют этих

¹⁷ DGFP, Series D, vol. V, p. 281.

¹⁸ «Lectii în ajutorul celor care studiază istoria PMR». București. 1961, p. 387.

¹⁹ N. Petrescu-Comnen. Anarchie, dictature ou organisations internationales. Genève. 1946, p. 127.

планов, то мы должны по необходимости шагать вместе с Германией!» — требовала газета «*Timpu*» 10 октября 1938 года. Эта газета принадлежала одному из реакционнейших румынских политических деятелей — Г. Гафенку, жизненной карьере которого способствовала женитьба на Эмее Нушета, женщине легкого поведения, в прошлом кафешантанной певице в Париже. Он познакомился с ней в России, куда был направлен в составе румынской миссии незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции. Жена помогла ему завязать связи с крупнейшими финансистами и промышленниками, такими, как М. Аушнит, А. Бланк, и заручиться их поддержкой. Благодаря этому в 1929 г. он был назначен заместителем министра иностранных дел и ушел в отставку лишь из-за расхождений по политическим мотивам с Титулеску. Политическое кредо Гафенку было кратким, но предельно ясным: «Не питаю доверия к коллективной безопасности, опасаясь взаимной помощи, не верю в демократию, ненавижу большевизм»²⁰. Он не скрывал своих симпатий к фашистским диктаторам, прославлял Франко, Салазара, одобрял агрессивную политику Гитлера и Муссолини. И нет ничего удивительного в том, что в конце 1938 г. Кароль II назначил его министром иностранных дел. «События 1938 года привели к глубокому изменению политической позиции в Румынии, — писал гитлеровский дипломат Клодиус после посещения этой страны, где он вел экономические переговоры. — Убеждение в том, что необходимо в определенных пределах сотрудничать с Германией, завоевало... признание...». Лидеры «исторических партий» Ю. Маниу и Д. Братиану, формально находившиеся в оппозиции к королевской диктатуре, отказались от прежнего лозунга «все, что угодно, но только вместе с Францией» и в совместном меморандуме потребовали от Кароля II «равнения на Берлин». В октябре 1938 г. румынский министр иностранных дел Петреску-Комнен заявил Фабрициусу, что король «решительно выступает за изменения в нынешней румынской внешней политике». Однако теперь, когда чехословацкий кризис был позади, гитлеровскую верхушку более не удовлетворяла румынская «игра на двух столах». Берлин поручил Фабрициусу поставить в известность Кароля II, что от него ждут конкретных предложений по развитию экономических и политических отношений между Румынией и Германией. Тогда король решил сам встретиться с представителями Германии. Для подготовки этого визита был направлен в Берлин небезызвестный Г. Братиану, пользовавшийся доверием у гитлеровцев. Геринг высказал румынскому эмиссару недовольство неопределенной политикой Румынии и действиями Кароля II, который устранил с открытой политической арены «Железную гвардию», а ее вожаков посадил в тюрьму. По словам Геринга, за последнее время не произошло положительных сдвигов и в немецко-румынских экономических связях, «хотя Англия и Франция признали приоритет германских интересов в экономике придунайских стран. В Мюнхене я лично обсуждал данный вопрос с Даладье, который заверил меня в этом»²¹.

Намереваясь продолжить политику балансирования, Кароль II перед поездкой к Гитлеру решил посетить Лондон и Париж, чтобы заручиться там необходимой поддержкой в военно-политических и экономических вопросах. Кароль II, взяв с собой наследного принца Михай, министра иностранных дел Н. Петреску-Комнена, министра королевского двора Э. Урдуяну и группу финансово-экономических экспертов, отправился в дипломатический вояж, первым этапом которого явилось посещение Великобритании. Королевский визит в Лондон длился три дня, до предела насыщенных приемами и деловыми встречами. Они, однако, не дали желаемого румынскими эмиссарами результата. Сити отказало в кредитах Бухаресту. На просьбу расширить торговлю с Румынией английский министр иностранных дел Галифакс заявил: «Мы должны проявлять осмотрительность и осторожность, другими словами, мы ни в коем случае не должны создавать впечатления, будто Великобритания пытается поставить барьер германской экспансии на Восток». Таким был ответ на вопрос, поставленный незадолго до визита румынского короля в Лондон журналом «*New Statesman and Nation*»: «Государственный визит Кароля может дать некоторый ответ на вопрос, насколько готово английское правительство помешать распространению немецкого влияния на низовья Дуная». В мрачном настроении покидал Кароль II в дождливый ноябрьский день столицу Великобритании, отказавшей ему в займе. Садясь в Дувре на корабль, который должен был переправить его через Ла-Манш, Кароль II, как отмечал его биограф, невольно вспомнил 1928 год, когда его вместе с Лунеску выпроводили с британских островов, и в утешение себе сказал: «По крайней мере на этот раз английские власти не послали детективов Скотланд-Ярда, чтобы убедиться в моем отъезде из страны». Столь же неутешительным оказался и пятидневный визит румынского короля в Париж. Несмотря на заверения в верности Франции, которые он давал премьер-министру Даладье, министру иностранных дел Боннэ и представителям французских деловых кругов, добиться крупных кредитов не удалось. Как писала английская газета «*Times*» 22 ноября 1938 г., Боннэ ясно выразил свое стремление избежать любого шага, который мог бы создать в Берлине впечатление, будто принимаются меры к ограничению германской активности в Юго-Восточной Европе.

23 ноября Кароль II и сопровождавшие его лица отбыли из Парижа, направляясь через Швейцарию в Германию. На швейцарско-германской границе румынского короля встретил князь Фредерик Гогенцоллерн, сопровождавший его до Берхтесгадена,

²⁰ «*Timpu*», 3.IV.1938.

²¹ ИДА. Микрофильмы румынских документов.

где должна была состояться встреча с Гитлером. Выполняя поручение гитлеровцев, князь всю дорогу убеждал Кароля II в необходимости сближения с Германией. В баварской деревне, неподалеку от которой Гитлер выстроил на вершине горы замок-дворец, князь распрощался с Каролем II: его услуги были лишними при личных переговорах Гитлера с Каролем II. Еще при входе во дворец Гитлер, не дав Каролу II подняться по лестнице главного входа, протянул ему руку для рукопожатия. Фоторепортеры запечатлели эту унизительную для румынского короля-диктатора сцену. Гитлер, стоявший несколькими ступеньками выше, снисходительно подает руку монарху Румынии. Снимок делался фоторепортерами снизу, поэтому создавалось впечатление, будто великан Гитлер словно гора возвышается над карликом Каролем II, в то время как в действительности румынский король был значительно выше ростом, чем Гитлер. Беседа с Каролем II состоялась в том же зале, где за два месяца до этого рейхсканцлер принимал Чемберлена. Гитлер представил румынскому королю Геринга, который встретил его фашистским приветствием. Кароль II предпочел обменяться рукопожатием. Все село за чайный столик. Вынув из кармана портсигар, Кароль II попросил разрешения закурить. Губы Гитлера при этой просьбе резко сжались: говорили, что он не выносит табака. Однако Гитлер дал согласие. Когда король предложил папиросу Герингу, заядлому курильщику, тот испуганно отказался, скосив глаза на Гитлера. Последней же принц Михай, считая, что Гитлер дал разрешение курить всем, последовал примеру отца. Нахмурив брови, Гитлер с явным неодобрением стал смотреть на него. Вконец смтившийся Михай поспешил потушить свою папиросу и положить ее в пепельницу.

Беседа Кароля II с Гитлером и Риббентропом 24 ноября 1938 г. длилась более полутора часов. Румынский король заверял их: «Румыния всегда была настроена антисоветски. Но по причине того, что огромное Русское государство было ее соседом, она не могла заявлять об этом открыто». Что касается толков, будто Румыния обещала разрешить проход советских войск через свою территорию, то это неправда, поспешил заявить он своим собеседникам. Для развития тесных румыно-германских экономических связей король предлагал построить через всю Чехословакию железную дорогу, которая обеспечила бы румыно-германские коммуникации независимо от Венгрии. Гитлер возражал против такого плана, сказав, что строительство дороги обойдется очень дорого, к тому же в случае войны ее может использовать Советский Союз для продвижения своих войск к Германии с юга. Кароль II влялся, что он никогда не позволит использовать румынскую территорию для прохода Красной Армии, и пытался заручиться поддержкой Германии в связи с усилением венгерской кампании за переход Трансильвании к Венгрии. Но Гитлер дал уклончивый ответ, заявив, что румыно-венгерский конфликт прямо не затрагивает Германию. Риббентроп в записях об этой беседе отметил, что Гитлер оставил трансильванский вопрос открытым, считая, что «мы не должны связывать себя перед Румынией обязательством... Основная идея нашей политики в отношении Венгрии и Румынии в настоящий момент должна состоять в том, чтобы держать оба эти утюга в раскаленном состоянии и разрешать вопросы в германских интересах в соответствии с развивающейся обстановкой»²².

В ходе беседы Гитлер заявил Каролу II, что целесообразно принять во внимание «слабое здоровье» осужденного легионерского главаря Кодряну и перевести его из соляных копей в иную обстановку. Кароль пообещал сделать это, не преминув подчеркнуть свою готовность к примирению с железногвардейцами и сотрудничеству с ними на определенных условиях. «Если бы он был с головой,— говорил король Гитлеру о Кодряну,— я не поколебался бы пригласить его в правительство». Во время беседы с Герингом, которая состоялась два дня спустя в Лейпциге, вновь всплыл вопрос о «Железной гвардии» и ее осужденных руководителях. Характеризуя свои действия в отношении легионерского движения, Кароль II доверительно говорил ближайшему сподвижнику Гитлера, что все попытки привлечь легионеров к политическому сотрудничеству потерпели неудачу, поскольку у Кодряну «нет высшего интеллекта», а его движение основано «на примитивном и частично мистическом влиянии на массы». Вместе с тем румынский король выразил удивление, «откуда железногвардейцы берут деньги», и присовокупил, что «для него трудно провести разграничение между партией и правительством в Германии. Это было сказано в связи с заявлением официальных германских лиц о том, что у германских правительственных организаций нет контактов с «Железной гвардией», а если они имеют место, то осуществляются лишь внешнеполитическим отделом национал-социалистской партии. Вот что пишет Арджвотяну об общаниях, которые давались в то время румынскому королю Герингом от имени гитлеровской верхушки: «Германия готова гарантировать границы Румынии не только с Россией, но и с Венгрией. У нас нет никаких связей с Венгрией, нет никакого интереса усиливать ее. Территории, которые мы ей отдали в Чехословакии, были даны с тем, чтобы удовлетворить самолюбие Муссолини, завидовавшего успехам фюрера. Во всяком случае, они получили меньше, чем требовали. Чехословакия должна рассматриваться отныне как германский доминион, и мы заинтересованы в сохранении ее новых границ. Мы немедленно построим автостраду вдоль Чехословакии с запада на восток, чтобы могли быстрее добраться до вас. Мы предлагаем вам гарантию ваших границ, не требуя взамен того, чтобы вы пришли к нам на помощь. Мы также не на-

²² DGFP, Series D, vol. V, pp. 339—341.

ставаем на вашем выходе из теперешних союзов... Мы желаем выполнения только двух вещей: заявления о дружбе, в котором вы обещали бы, что не примете участия в нападении на нас, и экономического соглашения на основе многолетнего плана...»²³. Кароль выразил готовность немедленно начать переговоры об экономическом сотрудничестве между Румынией и Германией на основе этих предложений и высказался в пользу составления длительного плана на 5—10 лет.

Несмотря на соглашение, которое было достигнуто во время визита румынского короля в Германию, гитлеровцы не питали к нему доверия. Неприязнь вскоре переросла во враждебность, ибо Кароль II по возвращении в Румынию прибег к новым репрессиям против легионеров, которые воспользовались отсутствием короля для организации путчистских выступлений. Поводом для них послужили распространявшиеся слухи о готовившейся расправе над главарем «Железной гвардии». В листовке, выпущенной легионерами 11 ноября 1938 г., утверждалось: «Информация, полученная от ответственных лиц, свидетельствует, что подготавливается убийство Кодряну. Армад Калинеску, намерение которого уничтожить Кодряну давно нам известно, заявив, что имеет разрешение короля совершить это во время его пребывания за границей». Легионерские выступления начались еще тогда, когда Кароль II находился в Лондоне, и постепенно приобретали все больший размах. На пути в Румынию он получил в Базеле сообщение от министра внутренних дел Калинеску о новых беспорядках, организованных «Железной гвардией», а также о фактах неподчинения и бунтовщических настроениях в 3-й армии, часть солдат и офицеров которой находилась под влиянием железногвардейской пропаганды. Командовал этой армией генерал И. Антонеску. Установлено, сообщал А. Калинеску королю, что И. Антонеску имел тайную связь с арестованными лидерами «Железной гвардии» и использовал свое положение для создания Кодряну возможности поддерживать контакты со своими единомышленниками и гитлеровскими агентами. По возвращении в Бухарест 28 ноября 1938 г. Кароль II провел совещание с министрами о мерах подавления выступлений «Железной гвардии». На следующий день стало известно о смещении И. Антонеску, затем последовал арест генерала князя Кантакузино-Граничеру, являвшегося номинальным руководителем легионерского движения в период его легальной деятельности. Этот старый аристократ, не имевший ни военного, ни политического таланта, нашел себя в легионерской среде, где к нему относились с нарочито подчеркнутым почтением. Кодряну использовал этого князя для пропаганды легионерского движения в высших слоях румынского общества, особенно среди феодальной аристократии, которая с ревностью и обидой следила за крепнувшими связями короля с финансово-промышленными и торговыми кругами.

30 ноября все бухарестские газеты сообщили, что «при попытке к бегству» были убиты Кодряну и 13 других железногвардейцев, отбывавших сроки наказания по суду. По официальной версии, это произошло так. Получив сведения о готовившемся нападении легионеров на тюрьму в Рымник-Сарате с целью освобождения Кодряну и его сообщников, власти решили перевести их в более безопасное место — тюрьму в Жилаве. В пути машина встала перед завалом на шоссе и подверглась обстрелу бандой легионеров. Заключенные выпрыгнули из открытого грузовика, чтобы, воспользовавшись темнотой и туманом, скрыться в густом лесу. Стража дала предупредительный выстрел, но беглецы не остановились. Тогда по ним открыли огонь из винтовок и пулемета, и все 14 железногвардейцев были убиты. Как подчеркивали авторы некоторых зарубежных газетных комментариев, составители официального коммюнике не догадались включить в него для большей убедительности сообщение, что при этом якобы было убито также несколько нападавших на конвой легионеров. В одной из биографий Кароля II приведено иное изложение хода событий. Несколько преданных королю лиц — чиновники секретной полиции и офицеры его личного полка — были вызваны во дворец, куда они прошли тайно. Король совещался с ними около часа. Затем так же незаметно, как вошли, они покинули дворец поодиночке. В ту же ночь начальнику тюрьмы, где содержались Кодряну и еще 13 легионеров, был вручен подписанный королем приказ о передаче заключенных для немедленного перевода в Жилавскую тюрьму. Вскоре колонна из трех армейских грузовиков двинулась в путь. Чтобы избежать возможной задержки легионеров, машины направились не по прямой дороге, а околным путем. На первой машине было 14 стражников, каждый из которых охранял одного из заключенных, находившихся там же. На второй машине ехала еще одна группа конвоя. Третья машина везла тяжелый груз, скрытый под брезентом. Кроме шофера, в ней никого не было. Несколько часов конвой беспрерывно двигался в ночной темноте по осенней дороге. Когда до Бухареста оставалось 30—35 миль, грузовики замедлили ход. Из леса, вплотную подступавшего к дороге, раздались чьи-то выстрелы. Как по команде, колонна остановилась. Связанные заключенные, решив, что произошло нападение с целью их освобождения, стали звать на помощь. Тогда стражники посредством специальных ремней, выданных им перед отъездом, задушили своих подопечных. Соскочившие со второго грузовика конвоиры стали бегать взад и вперед вдоль дороги, стреляя во всех направлениях, чтобы создать впечатление у окрестного населения, будто здесь была организована легионерская засада. После этого грузовики продолжили свой путь и с наступлением зари прибыли во двор Жилавской тюрьмы. Там быстро вырыли общую могилу, куда побросали трупы железногвардейцев, засыпали их цементом с

²³ Arhiva CC al PCR, fond 104 (C. Argetoianu «Insemnări zilnice»), pp. 4764—4765.

третьей машины и полили водой. Через полчаса все было кончено, а затвердевший цемент прикрыли слоем земли. «Как следует рассматривать это убийство? — задает вопрос французский автор. — Было ли это ответом на неоднократные террористические выступления железнодорожников или реакцией на настойчивые «рекомендации» Гитлера призвать Кодряну к власти?»²⁴. Ясно, что дело здесь не в расхождениях в политических взглядах, а в борьбе за власть.

Расправа над железнодорожниками привела в ярость германскую верхушку. Гитлер расценил репрессии, следовавшие сразу же за визитом румынского короля в Берхтесгаден, как вызов его собственной персоне. Геринг заявил югославскому послу в Берлине, что убийство Кодряну «похоронило» возможность политического соглашения с Румынией. В знак протеста немецкие военные и гражданские лица, в том числе Геринг, по указанию Гитлера демонстративно вернули только что полученные из рук Кароля II румынские ордена. Фабрициус был отозван из Бухареста в Берлин якобы «для доклада». Гитлеровская пресса угрожала суровыми карами тем, кто посягнул на немецкую «пятую колонну» в Румынии. Гитлер намеревался даже направить «карательную экспедицию в низовья Дуная». В Бухаресте со дня на день ждали разрыва дипломатических отношений между Германией и Румынией. Однако этого не произошло, ибо гитлеровцы искусственно нагнетали атмосферу, чтобы воспользоваться обострением отношений с Румынией и добиться от нее более выгодного торгового договора на 1939 г., переговоры о котором были возобновлены после возвращения Кароля II из поездки в Англию, Францию и Германию. Как писал директор экономического департамента германского министерства иностранных дел Клодиус, убийство Кодряну «скорее помогло, чем помешало» торговым переговорам, ибо румынское правительство не хотело еще и в экономической области вызывать разногласия с Германией. 10 декабря 1938 г. этот договор был подписан. Он был чрезвычайно выгоден для Германии.

Двойная игра в канун войны

14 декабря 1938 г. в королевском дворце был созван коронный совет, на котором были намечены неотложные внешнеполитические акции. Они предусматривали улучшение отношений с Германией при сохранении связей с западными державами. Продолжалась все та же политика балансирования и маневрирования между двумя империалистическими блоками, при которой оставалась неизменной лишь антисоветская направленность румынской внешней политики, готовность правящих кругов превратить Румынию в плацдарм агрессии любого из этих блоков против СССР. В этих целях коронный совет счел необходимым направить послом в Германию известного профессора А. Вайдю. Вскоре была произведена замена министра иностранных дел. Место Петреску-Комнена занял Г. Гафенку, политическая физиономия которого вполне могла удовлетворить гитлеровцев. В то же время коронный совет рекомендовал направить «прозападников» Г. Татареску и В. Тиля посланниками в Париж и Лондон с напутствием добиваться англо-французской помощи и поддержки. Стремясь отмежеваться от тех, кто по его же приказу обезглавил «Железную гвардию», Кароль II демонстративно сместил руководителей сигуранцы и полиции. В результате неоднократно проводившихся перетасовок позиции германофилов в румынском правительстве усилились. В состав коронного совета были введены в 1939 г. А. Куза, апостол румынского фашизма. Эти изменения были расценены в Берлине как доказательство того, что Кароль II хочет создать благоприятную обстановку для улучшения отношений с Германией. Новый румынский министр иностранных дел от имени Кароля II дал германскому поверенному в делах в Бухаресте разъяснения по поводу событий 30 ноября 1938 года. Они сводились к следующему: король не был осведомлен о серьезности положения в стране и поэтому, находясь с визитом в Германии, не стал обсуждать с ее руководителями вопрос о «Железной гвардии»; когда же он вернулся в Бухарест, то вынужден был принять суровые меры против анархии и насилия. Нет никаких оснований утверждать, подчеркнул Гафенку, что репрессии в отношении легионеров предприняты под влиянием западных держав или СССР, либо думать, будто Гитлер ответствен за события в Румынии 30 ноября. В начале февраля 1939 г. в Бухаресте вернулся германский посланник Фабрициус. Радостный Гафенку обнял его, полагая, что гитлеровцы решили забыть о деле Кодряну. Фабрициус отметил, что «доверие подорвано», но тут же добавил, что изгнание таких лиц из хозяйственной и иной жизни страны, как Аушнит, Шапиро, Кауфман и Елена Лупеску, могло бы успокоить Берлин. Далее он потребовал прекратить «интриги» против германских агентов. Гафенку обещал ему, что доложит обо всем королю и постарается удовлетворить эти требования. Румыния буквально кишела немецкими шпионами, выступавшими под личиной дипломатов, деятелей культуры или представителей деловых кругов. Среди них обращала на себя внимание Эдит фон Кохлер. Вильгельмштрассе снабдила ее документами, удостоверявшими, что она является «исследователем, получившим полномочия от германского министерства сельского хозяйства». Манеры этой дамы были изысканными, ее костюмы — последней парижской моды. Баронесса Эдит не имела ничего общего с сельскохозяйственным производством. Знакомства, завязанные ею в высших румынских военных кругах, особен-

²⁴ Н. Prost. Op. cit., p. 122.

но среди высокопоставленных военных, вынудили вскоре румынскую службу безопасности принять соответствующие меры. Это привело к тому, что в конце 1938 г. Кохлер оставила Бухарест, ибо к тому времени получила известность еще одна деталь из жизни этой «представительницы немецкого сельского хозяйства»: она оказалась племянницей Гимmlера. Однако в начале 1939 г. румынские власти дали согласие на возвращение Кохлер в Бухарест, теперь уже выступавшей в качестве «атташе по делам культуры».

Услужливость Гафенку была сразу же замечена в гитлеровской Германии. Берлинская газета «Völkischer Beobachter» писала, что с приходом нового министра иностранных дел румынская политика стала «более эластичной». Гафенку заранее высказывал одобрение любому германскому решению вопроса о Закарпатской Украине, продиктованному интересами антисоветской борьбы, и просил только вовремя информировать его об этом, чтобы румынское правительство «могло действовать соответственно и подготовить общественное мнение страны»²⁵. В связи с требованием германского министерства иностранных дел сделать заявление о том, что Румыния «считает Малую Антанту несуществующей, Гафенку угодливо ответил: если Германия придерживается такого мнения, то он полностью согласен и «принимает это мнение как собственное». В феврале 1939 г. по приглашению румынского правительства в Бухарест прибыл германский уполномоченный Г. Вольтат для ведения переговоров о широком экономическом сотрудничестве. Эти переговоры привели к подписанию 23 марта румыно-германского договора, который представлял собой решающий шаг, сделанный королевской диктатурой на пути к подчинению Румынии гитлеровцами. Как отмечал Вольтат, в ходе переговоров румынский министр иностранных дел проявил «доказательства искреннего желания румынского правительства достичь соглашения прежде всего с Германией». Фабрициус тогда подчеркнул, что «Румыния, крупнейшая и богатейшая страна Юго-Восточной Европы, добровольно заключила важнейший экономический договор». Западные империалистические круги, желая направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза, одобрительно отнеслись к подписанию Румынией этого договора. Посланник Великобритании в Румынии А. Хор телеграфировал 23 марта 1939 г. в Лондон: «Я поддерживаю контакт с румынским правительством с самого начала... и считаю вправе сообщить свое мнение о том, что оно торговалось с мудрой осмотрительностью»²⁶. Гафенку оправдывал заключение кабального договора 23 марта 1939 г. ссылками на якобы безвыходное положение, в котором оказалась Румыния: накануне распространялись слухи о «германском ультиматуме», предъявленном румынскому правительству. В тот период английское правительство даже заявило правительству СССР о том, что имеются серьезные основания опасаться насилия над Румынией. Когда же Советское правительство предложило немедленно созвать конференцию представителей Англии, Франции, Турции, Польши и Румынии в Бухаресте или в любом другом месте, то не только английское, но и румынское правительство отказалось от созыва такой конференции, которая могла бы привести к принятию реальных мер против гитлеровской агрессии.

Резкое усиление германского влияния королевская камарилья попыталась в какой-то степени компенсировать подписанием экономических соглашений с Англией и Францией. Кроме того, она стала добиваться от этих стран гарантий тогдашних границ. Англия, руководствуясь отнюдь не интересами борьбы против фашистской агрессии, соглашалась предоставить такие гарантии, если будет заключен румыно-польский договор о взаимной помощи в случае нападения Германии. Это не устраивало Бухарест, который не желал связывать себя каким-либо соглашением, направленным против Германии, и добивался односторонних английских гарантий, нацеленных против СССР. Поэтому в начале апреля в Лондон был направлен генеральный секретарь румынского министерства иностранных дел А. Крецяну, племянник архимиллионера князя Барбу Штирбея, имевшего большие связи в английских правящих кругах. Он пытался убедить министра иностранных дел Великобритании Галифакса, что следует ускорить предоставление Румынии гарантий, ибо, по его словам, румыно-польский союз, заключенный еще в 1921 г., действительно не только для ведения войны против «восточного соседа», но также в случае германской агрессии против одной из договаривавшихся сторон. Представляя дело так, будто англичане уже согласились дать гарантии Румынии, Крецяну рисовал такую картину оказания ей помощи в случае германской агрессии: «Англия и Франция нападают на Германию на суше, на море и в воздухе, шлюты через Дарданеллы в Румынию свои войска и военную технику...» Прервав его повествование, Галифакс сказал, что «это слишком быстрый подход, и было бы лучше выяснить политическую обстановку, прежде чем переходить к обсуждению военных проблем»²⁷. Обнаружилось, что румынский эмиссар добивается односторонних гарантий, получив которые королевская Румыния сохраняла бы свободу маневров, то есть продолжала бы «игру на двух столах». Тем не менее правящие румынские круги все же сумели

²⁵ DGFP, Series D, vol. V, p. 389.

²⁶ G. Gafencu. Derniers jours de l'Europe. Un voyage diplomatique en 1939. P. 1946, p. 164.

²⁷ «Documents on British Foreign Policy» (далее—DBFP). Third Series, vol. V, pp. 74—75.

добиться гарантий. Но они, как показала жизнь, оказались фиктивными: Англия и Франция не собирались их выполнять.

Ярким свидетельством двойной игры, которую вела королевская диктатура на внешнеполитической арене, чтобы иметь возможность присоединиться к тому, кто одержит верх, явилось поведение румынского министра иностранных дел Гафенку во время его посещения ряда европейских столиц в апреле — мае 1939 года. Получив личное приглашение Гитлера, Гафенку через Варшаву направился с визитом в столицу германского рейха. Подсевший к нему в вагон Бек предложил распространить действие румыно-польского союза на случай войны против Германии. Хотя Гафенку и согласился с таким толкованием договора, представители польских правящих кругов сильно сомневались в возможности получения румынской помощи при подобной ситуации. Как заявил в конце апреля 1939 г. посол Польши во Франции Рачинский в беседе с американским послом Буллитом, Гафенку вполне удовлетворен существующим положением: если Германия нападет на Румынию, то ей окажут помощь Англия и Франция, а также Польша, связанная военным союзом с этими державами-гарантами; в случае же германского нападения на Польшу Румыния сохраняет свободу действий²⁸. 18 апреля Гафенку прибыл в Берлин. На вокзале его встретил Риббентроп, с которым в тот же день и состоялась беседа по вопросам румыно-германских отношений. Гафенку убеждал Риббентропа, что с Бекон он не обсуждал вопросов, затрагивавших отношения с Германией. На следующий день румынского министра иностранных дел принял Гитлер. Посадив Гафенку на диван, он присел на стул против него, демонстрируя свое намерение выслушать представителя Румынии. Это было своеобразным шансом для Гафенку: если Гитлер начинал говорить первым, то собеседнику не удавалось прервать поток его слов. Румынский министр стал оправдывать получение англо-французских гарантий и доказывать, что принятие этих гарантий означает не антигерманскую направленность внешней политики королевского правительства, а антирусскую. «Что особенно важно — не дать распространиться влиянию России на европейские дела», — говорил он. Гитлер заявил, что гарантии его не беспокоят, однако Румыния ничего не выиграет от них; вместе с тем он нарочито подчеркнул, что участие Румынии в системе коллективной безопасности вместе с СССР будет рассматриваться в Берлине как «попытка окружения Германии». Ничуть не кривя душой, Гафенку признался, что королевское правительство отнюдь не намерено сотрудничать с Советским Союзом. Румынский министр встречался также с Герингом. В записи об этой встрече Гафенку отметил: «Я напомнил о тех дипломатических мерах, которые были приняты, чтобы возможные англо-французские гарантии не показались направленными против Германии (односторонние гарантии, а не двусторонний пакт; никакого соглашения с Россией; наш упор на понятие целостности, которое затрагивает лишь отношения с лимитрофами и не противопоставляет нас германскому государству)»²⁹. Последнее замечание свидетельствует о признании румынскими правящими кругами того факта, что сближение с Германией означало закабаление страны гитлеровским рейхом.

Официальный визит румынского министра окончился 19 апреля, но Гафенку не решился уехать из Берлина в день, когда фашистская верхушка с помпой отмечала 50-летие Гитлера. В качестве частного лица Гафенку намеревался занять место на дипломатической трибуне во время военного парада 20 апреля, о чем была достигнута договоренность с Риббентропом. Гафенку был доволен своей находчивостью: гитлеровцы не смогут упрекнуть его в неуважении к рейхсканцлеру, а англичане и французы — в особой симпатии к Гитлеру. Но в тот день случилось непредвиденное: на Вильгельмштрассе предложили, чтобы румынский министр иностранных дел как официальное лицо занял место на трибуне для почетных гостей неподалеку от Гитлера. Две открытые машины были поданы к зданию, где остановился Гафенку. Прибывшие на них посланник Фабрициус и чиновник министерства иностранных дел вежливо, но настойчиво стали доказывать ему необходимость такого шага. Растерявшийся сначала Гафенку попытался отказать. Это не помогло. Гитлеровские дипломаты упрямо стояли на своем. Время шло, и Фабрициус беспокойно поглядывал на часы, чтобы не опоздать к началу парада. Тогда Гафенку мастерски разыграл сцену приступа болезни почек, которой он страдал и о которой знали в германском министерстве иностранных дел. С болезненной grimасой на лице он вдруг присел, а затем лег на кровать, сбросив с себя пиджак, воротничок и ботинки. Его секретари, сразу оценившие характер «приступа», стали подыгрывать ему, всем своим видом выражая сострадание «больному». Фабрициус позвонил для консультации в министерство иностранных дел, после чего сказал Гафенку: «Как только пройдет приступ, Вы сможете присутствовать на параде в соответствии с ранее имевшейся договоренностью». Некоторое время спустя Гафенку отправился, но уже на трибуну для дипломатов. Официально же Румынию представляла тогда делегация во главе с А. Вайдой, к которой присоединился на правах частного лица Г. Братяну. В связи с этим Вайда заявил, что находит много общего в политической структуре Румынии и Германии, а Кароль II является «и королем и фюрером». Королевская камарилья старалась подчеркнуть, что с запретом всех политических партий и созданием фашистского «Фронта национального возрождения» усилилось идеологическое родство режимов, господствовавших в обеих странах.

²⁸ «Foreign Relations of US. 1939», Vol. 1. Washington. 1940, p. 174.

²⁹ Arhiva MAE, fond «Germania», vol. 77, non paginata.

В конце апреля румынский министр иностранных дел посетил Лондон. В беседе с английскими лидерами 24 апреля он подтвердил, что выступает против сотрудничества с СССР. Соглашение с Советским Союзом, утверждал Гафенку, неприемлемо для Румынии, ибо «она может увести ее туда, куда она не хочет идти», то есть на путь действительной борьбы против гитлеровской агрессии. Англичане решили воспользоваться услугами Гафенку, чтобы найти повод, оправдывавший их нежелание перейти от слов к делу в налаживании англо-франко-советского сотрудничества. С этой целью перед Гафенку был поставлен вопрос: «Не смог ли бы он в подходящий момент заявить публично о невозможности сотрудничества с СССР?» Румынский министр согласился сделать такое заявление. При этом Гафенку добавил: «Лучше всего не доверять Советскому Союзу или заключить с ним такие соглашения, которые создавали бы иллюзию, что мы ему верим»³⁰. 25 апреля состоялась еще одна встреча Гафенку с Галифаксом и другими английскими представителями. Министр иностранных дел Великобритании попросил Гафенку сделать во время пребывания в Париже заявление, в котором были бы «развиты мысли о Советском Союзе, высказанные им здесь, в Лондоне, поскольку французское правительство ищет как будто более тесных связей с Советским Союзом, чем того хотят Румыния или Польша». Гафенку обещал это сделать, но попросил, чтобы его откровенные высказывания остались в тайне. Оба министра иностранных дел были солидарны в том, что сотрудничество с СССР нежелательно, но следует «постоянно держать его в игре». Как известно, английское правительство в 1939 г. саботировало англо-франко-советские переговоры о взаимной помощи, ссылаясь, в частности, на позицию Румынии.

Находясь с визитом в Париже, Гафенку продолжал высказываться против коллективных мер борьбы с гитлеровской агрессией, считая большой ошибкой привлечение Советского Союза к этому делу. Румынский министр иностранных дел выразил неодобрение по поводу плана заключения пакта Англией, Францией и СССР о взаимной помощи и поддерживал английский проект односторонних гарантий. Между тем правительство рейха проводило свою политику по отношению к Румынии. Когда в мае 1939 г. Кароль II обратился к Германии с просьбой поставить Румынии оружие из «протектората Чехии и Моравии», ему было сказано, что германское командование не уверено в румынской позиции; имеются опасения, что повторится 1916 г., когда Румыния, связанная союзом с Германией и Австро-Венгрией, вступила тем не менее в войну на стороне Антанты, расценив русское наступление как предвестник скорой победы. Кароль II поклялся, что 1916 г. не повторится, что, оставаясь «нейтральной», Румыния будет снабжать Германию нефтью и пшеницей. Он уверял, что нет никаких оснований для сомнения в искренности румынского правительства. Королевскую диктатуру чрезвычайно беспокоило то обстоятельство, что державы фашистской «оси», проявляя недоверие к ней, оказывали поддержку венгерским и болгарским правителям в их территориальных требованиях. «Разве мы, король и правительство, — патетически восклицал Гафенку в беседе с Фабрициусом, — делаем все для сближения с Германией, заказывая оружие в Германии и держа страну экономически открытой для Германии, заслуживаем этого?» Румыно-германский договор подчеркивал он, значит больше, чем договор о союзе, ибо он сделал Румынию доступной немецкому влиянию. Тем не менее просьба Гафенку, чтобы Германия дала Румынии гарантии, подобные англо-французским, была отклонена Фабрициусом как «несовременная». Двойная игра ставила румынских правителей в затруднительное положение не только перед державами «оси», но и перед англо-французским блоком. Летом 1939 г. английский министр иностранных дел Галифакс телеграфировал своему посланнику в Бухаресте Хору: «Вам следует сделать представление румынскому правительству, сказав, что мы удивлены и крайне обескуражены его выступлением против англо-турецкого договора, который «является существенной частью общего соглашения для защиты Румынии, и что поэтому ему не следует исключать себя из этого договора». Между тем положение Румынии сразу же облегчилось бы, если бы ее правители пошли на соглашение с СССР. Опора на силы Советского Союза — вот та гарантия, которой недоставало Румынии. Но ее правящие круги заняли иную позицию.

На всем протяжении англо-франко-советских переговоров весной и летом 1939 г. наблюдалось совпадение позиций буржуазно-помещичьей Румынии и западных держав. Никто из них не хотел успешного завершения этих переговоров. Галифакс признавался румынскому министру иностранных дел, что обращение к СССР на предмет получения военной помощи Англией и Францией носит чисто формальный характер, а вызвано оно больше стремлением удовлетворить парламентскую оппозицию, чем убеждением в необходимости такого шага. Румынское правительство постаралось внести свою лепту в дело срыва переговоров о взаимной помощи между СССР, Францией и Великобританией. Оно потребовало, чтобы Румыния никак не упоминалась в каком-либо соглашении западных держав с СССР. Румынские и польские правящие круги заняли заранее инспирированную Западом позицию в вопросе о военном сотрудничестве с Советским Союзом. Кароль II отказывался пропустить Красную Армию через румынскую территорию даже в том случае, если бы Германия напала на Румынию. Поводом для отказа он выставлял то, что со стороны СССР нет юридического признания румынской аннексии советской территории.

³⁰ DBFP. Third Series, vol. V, p. 313.

Позиция королевской диктатуры в вопросе о пропуске советских войск через территорию Румынии сослужила свою службу англо-французским империалистам. «Для очистки совести правительства Лондона и Парижа решили предпринять демарши перед нашим правительством и правительством Польши,— сообщал Г. Татареску румынскому министру иностранных дел, находившемуся в Париже.— Знаю, что такой демарш сделан в субботу в Варшаве и натолкнулся на категорический отказ Бека»³¹. В случае идентичного демарша перед Румынией, добавлял он, будет дан ответ «в соответствии с постоянными директивами по этому вопросу», то есть просьба о пропуске Красной Армии будет отвергнута. Получив желаемый отказ польских правителей на запрос о разрешении прохода советских войск, правительства Англии и Франции сочли излишним официально запрашивать Бухарест. В англо-французских кругах были убеждены, что если Польша, которой непосредственно угрожала германская агрессия, отказалась от советской помощи, то Румыния, развивавшая в то время и постоянно углублявшая свое экономическое сотрудничество с рейхом, тем более даст отрицательный ответ.

Срыв англо-французскими правящими кругами при соучастии польских и румынских правителей переговоров в Москве и миролюбивая позиция СССР вынудили Советское правительство согласиться с предложением Германии о заключении договора о ненападении между Советским Союзом и Германией. Подписание 23 августа 1939 г. советско-германского пакта о ненападении вызвало растерянность в румынских правящих кругах. По мнению премьера Калинеску, создалось «весьма серьезное положение». Причина такой оценки — отказ фашистской Германии в тот момент от нападения на Советский Союз. Крайне обеспокоенный заключением советско-германского пакта и возможным отказом гитлеровцев немедленно поддержать антисоветскую позицию румынских правителей, Гафенку в беседе с Фабрициусом заклинал не прекращать борьбу против СССР. В заслугу правительству Румынии он ставил то, что после ухода Титулеску оно «ничего не делало для улучшения своих отношений с Советской Россией, считая сближение с Германией важнейшим вопросом своей будущей политики». Гафенку выражал готовность румынских правящих кругов служить гитлеровцам в качестве верного антисоветского орудия. Он сказал, что королевская Румыния «хочет идти рука об руку с Германией в русском вопросе», и просил сообщить в этой связи «германскую точку зрения». Наконец, в последние дни перед началом второй мировой войны румынские правители предприняли новые шаги, чтобы обеспечить себе поддержку гитлеровцев. Гафенку 27 августа 1939 г. заявил Фабрициусу, что Румыния будет «нейтральной в любом конфликте между Германией и Польшей, даже если Англия и Франция вмешаются в него». В беседе с Фабрициусом румынский министр сказал также, что его страна будет снабжать Германию нефтью, сырьем и сельскохозяйственными продуктами даже в случае войны. Таким образом, буржуазно-помещичья Румыния, принявшая гарантии от Англии и Франции, теперь добровольно обязывалась содействовать войне гитлеровцев против своих гарантов. Кароль II не преминул информировать германского военно-воздушного атташе Герштенберга, что французы и англичане недавно предложили Румынии план саботажа и диверсий на нефтепромыслах в случае войны. Он отверг этот план, подчеркнув, что «будут приняты строгие меры против актов саботажа». Кароль обещал лично следить за ходом нефтепоставок германскому рейху. Когда же произошла небольшая задержка с поставкой нефти, то германский временный поверенный в Румынии Штельцер заявил 24 августа румынскому министру иностранных дел: «Это может создать впечатление, что Румыния дает задний ход еще до того, как разразится конфликт»³². Гафенку поспешил заверить, что это не так, что в румынской позиции не произошло никаких изменений. После его обращения к премьер-министру в тот же день было отдано соответствующее распоряжение. Но, несмотря на все это, гитлеровское правительство не шло на тесное политическое сотрудничество с румынскими правящими кругами. Одной из причин было его недоверие, вызванное двойственностью румынского внешнеполитического курса: в августе 1939 г. даже Гитлер называл Румынию «самым неопределенным фактором на Балканах».

(Окончание следует.)

³¹ «Studii», 1960, № 4, p. 62.

³² DGFP, Series D, vol. VII, pp. 247, 363, 364.